

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Е. М. Поляков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 апреля 2014 г.

Аннотация: в статье с помощью трехмерной модели изучены основные тенденции в развитии политического терроризма в постсоветской России. Автор выделяет четыре основных этапа, каждый из которых обладает уникальными характеристиками, внутренней логикой развития, особой структурой. Отдельно анализируется феномен так называемого «русского ваххабизма» и последствия его распространения.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Чечня, «Имарат Кавказ», терроризм, салафизм.

Abstract: on the base of three-dimensional model are the main tendencies in developing of political terrorism in post-soviet Russia issued. Author proclaimed four main stages of terrorism developing; each of them has its unique features, internal logic of developing and special infrastructure. Also is phenomenon of so called «Russian wahhabis» analyzed.

Key words: North Caucasus, Chechnya, «Caucasian Emirate», terrorism, Salafites.

2014 год останется памятен не только Олимпиадой в Сочи, но и мрачным «юбилеем» с момента начала первой военной кампании в Чечне. За два постсоветских десятилетия содержание конфликта на территории бывшей ЧИАССР (и Северного Кавказа в целом) существенно изменились. С обеих сторон ушли старые лидеры и появились новые; конфликт из открытого вооруженного противостояния приобрел партизанско-террористический характер и вышел за пределы изначальной области возникновения; цели и задачи конфликтантов, равно как и стратегия и тактика, существенно изменились. За истекший срок государство предприняло ряд усилий, которые, тем не менее, не принесли существенного результата, а главная проблема – победа над (международным) терроризмом и экстремизмом – так и не решена. В данной статье мы постараемся объяснить, почему же события развивались именно так, а не иначе.

Автор предполагает проанализировать ситуацию с борьбой против терроризма на Северном Кавказе (далее – СК), а также – частично – и в других регионах РФ с помощью трехмерной модели, измерениями которой будут продолжительность развертывания, структура и динамика конфликта. Поскольку все эти измерения тесно связаны между собой, мы попытаемся рассмотреть их комплексно, лишь формально выделяя каждый из трех обозначенных аспектов. Основные специальные термины и сокращения, используемые в данной работе, пояснены в Приложении в конце текста статьи.

Пожалуй, существенная продолжительность конфликта на СК и тот факт, что на всем протяжении он способствовал террористической активности различных групп влияния, предполагают начать ознакомление с темой данной статьи с анализа фактора времени. Мы можем условно разделить рассматриваемый промежуток времени на четыре периода. Ввиду условности деления (проводимого сугубо для удобства анализа) границы периодов тоже будут условны, неточны, размыты. А именно: 1-й период начался примерно в 1992–1995 гг. и закончился в 1998–1999 гг., т.е. длился от 3 до 7 лет. Пожалуй, учитывая тот факт, что нижняя граница начала первого периода отнесена к 1992 г. (окончательное утверждение власти Дж. Дудаева и его сторонников) и выходит за хронологические рамки нашего исследования, корректнее будет сказать, что 1-й период длился с 1994 по 1998 (99) г., или около 5 лет. Кроме того, этот промежуток почти совпадает со временем существования ЧРИ. Следующий, 2-й этап, пришелся на 1999–2004 (или 2005) гг.; третий период длился с 2006 по 2012 г. и четвертый – с 2012 г. по настоящее время.

Теперь, когда мы обозначили хронологические рамки и отметили, что границы периодов достаточно условны, необходимо сказать о причинах этой условности, как и о том, почему разумно делить прошедшие два десятилетия именно на четыре периода, а не на, скажем, четырнадцать. Дело в том, что каждый из периодов характеризуется специфическим, не встречающимся в другие периоды типом террористической активности (далее – ТТА). Он представляет собой особый способ осуществления терактов, направлен-

ность их против конкретных объектов, используемую организационную структуру и инфраструктуру, а также частоту.

«Границами» периодов, в свою очередь, выступают события или цепочки событий, после которых действовавший на текущий момент тип террористической активности сменялся новым. Поскольку эта смена была не единичным волевым событием, а скорее неким континуумом, постольку и «демаркация границ на местности» весьма приближительна.

В частности, о начале первого периода может говорить такая знаковая цепь событий, как теракты в Невинномысске, Буденновске, Буйнакске и других городах. Все они пришлись на 1995 г. (т.е. военные действия в Чечне уже шли в полном разгаре), направлены были против сугубо гражданских лиц и объектов (женщины и дети, больницы и роддома и т.д.), осуществлены были вне пределов территории развертывания конфликта, всегда осуществлялись с (не)гласной санкции одной из сторон конфликта, влекли за собой повышение статуса одной из сторон конфликта и усиление внешней (по отношению к региону конфликта) легитимации. Пожалуй, наиболее ярким примером может служить именно теракт в Буденновске со знаменитыми прямыми телефонными переговорами Ш. Басаева (вице-премьера ЧРИ) и В. Черномырдина (премьер-министра РФ).

Для первого периода характерно и то, что непосредственные исполнители терактов, их руководители и политические покровители представляли собой, по сути, руководство одной из сторон конфликта, и если принять во внимание претензию руководителей ЧРИ и официального Грозного на суверенитет и государственный статус, формально ТТА середины 1990-х гг. может быть определен как (квази) государственный терроризм.

Организационной структурой, отвечающей за реализацию терактов, по сути, были вооруженные силы сепаратистов, представленные НВФ. То есть на первом этапе развития терроризма на СК не было специального института, отвечающего за этот тип насилия.

Кроме того, дискурс терроризма, в первую очередь его внутренняя легитимность (в глазах самого чеченского общества и уже – лидеров НВФ) носил сугубо националистический характер. Дж. Дудаев и его преемник, А. Масхадов, провозглашали целью построение независимой демократической (по крайней мере, на первых порах, испытывая некий флер от ВДП) Чеченской Республики. Символизм сепаратистов тоже был явно этнически окрашен: на флаге и гербе ЧРИ изображался тотем чеченцев – волк, предполагалось ввести свою собственную валюту, обучение в школах переводилось на чеченский язык (при этом, они оставались подчеркнуто светскими) и т.д.

Также можно отметить определенную долю эффективности ТТА данного этапа, ибо под влиянием террористических нападений на соседние с Чечней регионы, негативной картинкой в СМИ, деятельностью правозащитных организаций (Московской хельсинской группы, фонда «Мемориал», «Комитета солдатских матерей») в общественном мнении россиян сложилось убеждение о необходимости остановить войну.

Президент РФ Б. Ельцин в условиях приближающихся выборов был вынужден прекратить «наведение конституционного порядка» и отложить определение статуса ЧРИ до 2000 г. Тогда путем референдума должно было решиться, будет ли Чечня в составе России или обретет статус суверенного государства. «Хасавюртовский мир» был, пожалуй, верхней точкой, до которой удалось дорасти внешней легитимности террористов. С этого момента она неуклонно ползла вниз, и постепенно представителей Дж. Дудаева – А. Масхадова перестали принимать на международных форумах и в посольствах западных держав.

Вторая половина 1990-х гг. характерна проникновением в Чечню радикального ислама и таких одиозных его проповедников, как Б. Кебедов. Впоследствии, очевидно, в рамках «народной этимологии» по аналогии с террористами и сепаратистами, они получили в чеченском обществе наименование «ваххабистов» [1, р. 6]. Постепенно религиозный дискурс пришел на смену национальному.

Именно 1998–1999 гг. были первым переломным моментом в развитии политического терроризма в современной России. В это время наметился раскол в правящей верхушке ЧРИ, была предпринята первая попытка построения исламского государства в отдельно взятой республике и создана инфраструктура, позволившая на втором этапе вынести террор за пределы Чечни. Рассмотрим эти факторы подробнее.

Линия раскола в чеченском руководстве прошла между условными «националистами» во главе с президентом ЧРИ А. Масхадовым и «интернационалистами» во главе с Ш. Басаевым. Первые полагали, что необходимо все силы сосредоточить на построении национального чеченского государства, вторые – что необходимо «освободить» весь СК и начинать надо с соседнего Дагестана. Ш. Басаев, проигравший президентские выборы, но продолжавший борьбу за лидерство среди сепаратистов с А. Масхадовым, полагал, что успешное вторжение в Дагестан даст ему необходимую поддержку масс, привлечет новых вооруженных сторонников и другие ресурсы для борьбы за верховенство. Следует отметить, что часть полевых командиров (например, братья Ямадаевы) и других лидеров (А. Кадыров, Б. Гантемиров) де-факто сохраняли нейтралитет в этой борьбе, а позднее, в ходе второй войны в Чечне, перешли на сторону федералов.

Вторжение в Дагестан и активная часть КТО в ЧР (официальное название второй войны в Чечне), пришедшиеся на 1999–2002 гг., продемонстрировали, что сепаратистский проект как в рамках ЧРИ, так и шире – других республик СК не пользуется поддержкой сколь-нибудь значительных масс населения, тем более – его большинства. Даже в Дагестане (к слову, уже достаточно исламизированном на тот момент) местные жители весьма прохладно встретили «освободителей», а в скором времени, разобравшись в их подлинных намерениях, взялись за оружие и выступили против них [2, с. 554–557]. Внешняя легитимность также заметно снизилась, особенно на Западе.

Терроризм, который на первом этапе был направлен вовне, теперь в значительной части был сосредоточен в рамках Дагестана, Ингушетии и Чечни (этот субрегион по первым буквам входящих в него республик получил неофициальное название ДИЧ). Некоторым исключением мы можем назвать теракты в Москве и Волгодонске (1999), Махачкале (2002) и Владикавказе (2003). Но это исключение лишь подтверждает правило, несмотря на масштабность этих терактов и рекордное (на тот момент) число их жертв. Изменились и способы осуществления терактов. Во-первых, стала применяться широко распространенная за рубежом (Палестина, Афганистан, Ирак) тактика самоубийственных подрывов с использованием так называемых «поясов шахидов». Во-вторых, существенно возросла частота совершения терактов. Если раньше нападения случались, что называется, «раз в пятилетку», то теперь не проходило и двух недель, чтобы не было отмечено хотя бы одной (пусть и неудавшейся) террористической атаки. В-третьих, осуществлявшие теракты структуры стали менее зависимы от центра принятия решений, что позволило подполью проводить гибкую «политику» устрашения.

В целом, для этого этапа характерно то, что позднее назовут «чеченизацией». С одной стороны, она предполагала передачу реальных полномочий и ответственности за борьбу против террора на уровень властей ЧР, а с другой – переманивание на свою сторону одних бывших масхадовцев и натравливание их на других. Это позволяло сделать конфликт в Чечне внутривластным, т.е. убрать из него межэтническую компоненту. Побочным эффектом данного процесса стала фактическая этнизация государственной власти в Чечне и формирование там этнократического режима под управлением семьи Кадыровых.

В целом, сепаратистский проект потерпел неудачу. А. Масхадов потерял (как физически, так и в результате «перевыворачивания» кадыровцами) большую часть сторонников уже к 2004 г. Гибель в результате теракта А. Кадырова (в организации которого был обвинен А. Масхадов) уже не могла изменить новой расстановки сил. А «активное тело» подполья миг-

рировало в Ингушетию, Кабардино-Балкарию и Дагестан.

Самое главное событие третьего этапа – провозглашение «Имарата Кавказ» в 2007 г. – означало подчинение не только уже существовавших «вилаятов», но и тех, которые могут возникнуть в будущем, и которые к СК непосредственно никакого отношения не имеют. Так был создан «вилаят Идель-Урал» на Волге, само название которого должно было способствовать привлечению татарских националистов, ибо перекликалось с проектом независимого татарского государства периода Гражданской войны [3, р. 6]. «Освобождение» мусульманских территорий России от власти «кяфиров» рассматривается лишь как один из этапов на пути к построению мирового халифата под черным знаменем джихада.

Хотя всплеск исламизма приходится на середину 2000-х гг., начало процесса под названием «исламское возрождение» следует искать в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Постепенная радикализация исламских богословов была вызвана отсутствием внутри России мусульманских богословов мирового уровня и взаимной настороженностью (если не сказать враждебностью) традиционного духовенства и молодых проповедников [см. подробнее: 4, с. 56–64].

Исламский дискурс в принципе не рассматривает этническую принадлежность как определяющую; внутри него групповая самоидентификация строится на безукоризненном соблюдении основ вероучения (так, как их понимают салафиты, разумеется). Как отмечал в своих проповедях тот же Саид Бурятский, «чеченец, если он кяфир – наш враг; русский, если он мусульманин – наш союзник и брат». Внутренняя легитимность, таким образом, стала базироваться на внеэтнической солидарности. Это означало конец «ичкерийского проекта» и ограничивало социальную базу террористов: теперь они могли вербовать своих агентов в достаточно узком слое радикально настроенных мусульман. Для того чтобы этот слой не истончался, требовалось пополнять его «извне», т.е. сделать так, чтобы все новые массы мусульман СК постепенно принимали радикальную форму политического протеста.

Это получилось благодаря изменению объекта террора. Примерно с середины 2000-х гг. большую часть жертв терактов на СК стали составлять так называемые силовики, а нападения на объекты инфраструктуры федеральных сил (МВД, ФСБ, ОГВ) стали де-факто нормой жизни [5, с. 91–95]. Поворотным моментом тут можно счесть серию знаковых нападений летом–осенью 2004 г. (9 мая – убийство А. Кадырова в Грозном; 22 июня – нападение на Назрань; 1–3 сентября – захват заложников в Беслане) и так называемый «Нальчикский мятеж» год спустя. Это были последние столь масштабные теракты не только на СК, но и в РФ в целом.

В последующие годы террористы перешли к тактике «кинжальных» ударов с последующим отступлением. Количество жертв от каждого теракта снизилось на порядок, но самих нападений стало гораздо больше, и таким образом, общее число жертв агрессии только возросло. В частности, с начала 2010-х ежегодное число погибших на СК составляет в среднем около 700 человек, а количество терактов и вооруженных нападений превышает 200 случаев. Разумеется, гражданские лица и объекты по-прежнему (хоть и в меньшем объеме) подвергались нападениям, в том числе и за пределами СК, однако это не всегда были «рядовые граждане»: значительное число жертв в рамках этой категории составляли судьи, чиновники, политики (республиканские и федеральные), а также их родственники.

Провозглашение ИК означало также изменение инфраструктуры терроризма. Во-первых, борьба была перенесена преимущественно в крупные города (в основном, республиканские столицы). Во-вторых, «исполнительным звеном» стали не НВФ, как ранее, а джамааты – автономные локальные боевые ячейки. В-третьих, существенно помолодели исполнители и руководители: в «Ичкерии» боевиками были люди 30–40 лет, а в «Имарате» – 20–25 и даже младше. Также изменился характер осуществляемого насилия, мобилизации и взаимодействия с внешним миром.

Пожалуй, наиболее важной чертой текущего этапа развития терроризма в России можно назвать выход на авансцену так называемых «русских ваххабитов». Феномен этот не такой уж новый, корни его уходят в начало 2000-х годов, но особое внимание прессы он привлек после первых (из небольшой серии в количестве трех) терактов в Волгограде в конце 2013 г. При этом оценка данного феномена в СМИ подчас остро негативная [6; 7].

Меж тем сам феномен почти не изучен с научной точки зрения. В академической печати он обойден вниманием, а если и затрагивается отдельными исследователями, то вскользь. Однако возникновение и распространение «русского ваххабизма» представляет собой самую важную (на данный момент) угрозу национальной безопасности РФ.

Четвертый этап, начавшийся в 2012 г. покушением на муфтия Татарстана, очевидно, будет длиться примерно столько же, что и предыдущие этапы (5–6 лет) с той же тенденцией в развитии, а именно: достижение пика всех негативных процессов наступит по второй половине периода. Значит, у нас есть несколько лет в запасе.

Четвертый этап с его начала характеризуется отсутствием четких границ «зоны борьбы», общепринятой идеологии (т.е. стратегии пропагандистской борьбы, «внешней» идеологии), внешней легитимности (есть косвенные данные, что в условиях сирийско-

го кризиса даже Саудовская Аравия отказалась от поддержки салафитов на СК). С другой стороны, привлечение потенциальных неопитов из числа русских и других коренных народов РФ (в первую очередь, Поволжья), а не только СК, затруднит оперативную работу спецслужб и сведет к минимуму и без того невысокий показатель предотвращения терактов.

Дело в том, что борьба с терроризмом предполагает в качестве предпосылки умение узнавать врага. Но для этого необходима разветвленная агентурная сеть и более высокий уровень профессионализма в работе, чем демонстрирует нынешняя ФСБ. Более того, если потенциальный террорист, как правило, является внутренним мигрантом (т.е. приезжим из другого региона страны), то в случае с ДИЧ их попросту мало: более 95 % ингушей, чеченцев и дагестанцев проживают в своих «титовых» регионах, и их миграционные практики невелики. О русских и других дисперсно расселенных по РФ народах (например, татарах или украинцах) этого не скажешь. Следовательно, потенциальных террористов (точнее, возможных объектов для отслеживания со стороны спецслужб) с появлением «русских ваххабитов» становится, по меньшей мере, на порядок больше.

Это означает (при прочих равных) увеличение террористической угрозы в стране в целом (хотя и некоторое снижение ее на СК) в плане количества как потенциальных терактов, так и жертв от них. В числе опасных зон могут оказаться не только регионы Центра (Москва и Московская область, Санкт-Петербург), но и любые другие регионы с высокой миграционной активностью, в первую очередь, коренного населения.

С другой стороны, мировая практика показала, что терроризм может быть успешен, по сути, лишь как элемент национально-освободительной (антиколониальной) войны или сепаратизма [8, р. 235–242]. То есть в наших условиях предел эффективности был пройден на первом этапе. Салафиты не борются за отделение какой-либо территории от РФ, но за переустройство самой РФ на базе политического ислама. Сохранение ими террористических практик как метода борьбы означает их же стратегическое поражение. Вопрос лишь в том, просуществует ли РФ (т.е. нынешняя форма российской государственности) до того дня, когда салафизм окончательно обанкротится.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Markedonov S.* Radical Islam in the North Caucasus. Evolving Threats, Challenges, and Prospects / S. Markedonov // A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. – Washington, DC : CSIS, 2010.

2. *Эфендиева Д. А.* Взаимоотношения чеченцев с народами Дагестана на рубеже XX–XXI веков / Д. А. Эфендиева // Чеченская Республика и чеченцы : история и современность : материалы Всерос. науч.

конф. (Москва, 19–20 апреля 2005 г.) / [отв. ред. Х. И. Ибрагимов; В. А. Тишков] ; ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Комплексный НИИ РАН, г. Грозный. – М. : Наука, 2006.

3. *Markedonov S.* The Rise of Radical and Nonofficial Islamic Groups in Russia's Volga Region / S. Markedonov // A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. – Washington, DC : CSIS, 2013.

4. *Малашенко А. В.* Исламские ориентиры Кавказа / А. В. Малашенко. – М. : Гендальф, 2004.

5. *Поляков Е. М.* Политика органов государственной власти на Северном Кавказе (1990–2000-е годы) : дис.

канд. полит. наук / Е. М. Поляков. – Воронеж : ВГУ, 2009.

6. *Полубота А.* Число русских ваххабитов будет расти? / А. Полубота. – Режим доступа : <http://svpressa.ru/politic/article/58244> (дата обращения: 15.01.2014).

7. *Бойков И.* Русские ваххабиты как особый тип национального предателя / И. Бойков. – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/content/view/russkie-vahhabity>

8. *Merari A.* Terrorism as a Strategy of Insurgency / A. Merari // Terrorism and Political Violence. – 1993. – Vol. 5, № 4.

Воронежский государственный университет

Поляков Е. М., кандидат политических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии

E-mail: evgenij.polyakov.1984@mail.ru

Тел.: 8-908-140-36-07

Voronezh State University

Polyakov E. M., Candidate of Political Sciences, Lecturer of the Sociology and Political Science Department

E-mail: evgenij.polyakov.1984@mail.ru

Tel.: 8-908-140-36-07